

В.М. Рыбаков

Взаимодополнительность танских законов

Данная статья посвящена проблеме взаимодополнительности законодательных актов различного рода, функционировавших в Китае в период правления династии Тан (618–907). В ту пору существовало четыре основных типа законов: так называемые *люй*, *лин*, *гэ* и *ши*. Только тексты законов типа *люй* дошли до наших дней. Законы других типов сохранились гораздо меньше или вообще практически не сохранились, будучи доступны лишь в виде цитат в иных источниках либо в виде найденных археологами обрывочных документов. В статье приводятся примеры законов всех типов, описывается их иерархия, их взаимосвязь и взаимозависимость.

Ключевые слова: традиционные общества, государство и право, уголовные законы, идеология.

Виды танских законов

Двухчастное деление китайских законов на так называемые *люй* 律 и *лин* 令 возникло задолго до династии Тан, еще при Хань (206 до н.э. — 220 н.э.). В ту пору считалось, что *люй* — это основа, наиболее стабильные и неизменные нормы, унаследованные от прошлого, а *лин* — это более оперативные нововведения, вводимые в действие текущими императорскими указами. Постепенно, однако, сложилось положение, согласно которому уголовные законы сосредоточились в нормах *люй*, в то время как нормы *лин* стали законами общеадминистративными (Кычанов, 1986, с. 7). В *люй*, косвенно принявших форму запретов, трактовалось то, как надлежит наказывать тех, кто совершил что-либо наказуемое, т.е. о том, как поступать нельзя. В *лин* трактовалось о том, в соответствии с какими нормами и каким регламентом следует жить, т.е. о том, как поступать надо.

Ко времени формирования танского права бинарная модель *люй–лин* была дополнена двумя другими видами законов: *гэ* 格 и *ши* 式. Каждый из этих видов предписаний имел свою специфическую функцию.

Буквальный перевод четырех этих иероглифов мало что говорит сам по себе. Значения их во многом повторяют друг друга. *Люй* значит «закон, закономерность, законоположение, устав, норма, уложение, дисциплина, кодекс, приводит в порядок, регулировать, ограничивать, наказывать по закону»; собственно, даже термин «закон сохранения энергии» по-китайски сформулирован с применением этого же термина *люй* (Большой китайско-русский словарь, 1983–1984, т. 2, с. 899). *Лин* значит «приказ, предписание, декрет, директива, наставление, приказывать, предписывать, обязывать, заставлять, давать возможность, побуждать» (там же, с. 753). *Гэ* значит «норма, стандарт, правила, требования, рамки, ограничиваться, быть в рамках, подходить по стандарту» (там же, с. 525). *Ши* значит «образец, стандарт, эталон, форма, норма, этикет, ритуал, образец, пример для подражания, церемониал, регламент, постановление» (там же, т. 4, с. 202).

Нетрудно заметить, что во всех этих четырех веерах значений главным общим смыслом является понятие ориентирующего образца, стандартизирующего требования, которое призвано обрубить частное своевольное разнообразие во имя общего скоординированного единения.

В англоязычном востоковедении принято переводить эти термины соответственно как Code (сборник законов, кодекс, свод законов государства, система правил), Statutes (законы, законодательные акты парламента, статуты, устав), Regulations (правила, устав, постановления, инструкции) и Ordonances (руководства, указы, предписания, приказы, религиозные таинства) (см., напр.: The T'ang Code, 1979, p. 5).

Сами тогдашние китайцы объясняли функциональное своеобразие этих законов так:

В танское время было четыре типа уложений: люй, лин, гэ и ши. Лины устанавливали распорядок и соотношение среди старших и младших, знатных и низких, а также государственную структуру. Гэ устанавливали постоянную практику, осуществляемую всеми должностными лицами на их постах. Ши являлись законами (фа 法), которых они [должностные лица. — В.Р.] неизменно придерживались. Во всех делах государственное управление должно было следовать этим трем [типам законов] (цы сань чжэ 此三者). Если же происходили их нарушения или если люди склонялись ко злу и доходили до преступлений, всегда следовало принимать меры на основании люй (Синь Тан шу, 1975, с. 1407).

Исходя не столько из буквального смысла терминов, сколько из функций обозначаемых ими правовых норм, я в своем переводе уголовного кодекса династии Тан «Тан люй шу и» предложил весьма условно, но хотя бы единообразно называть *люй*, *лин*, *гэ* и *ши* соответственно уголовными, общеобязательными, нормативными и внутриведомственными установлениями. В этих формулировках я нарочито старался избегать употребления термина «закон», поскольку его непосредственный китайский аналог *фа* значительно более многогранен и широк по смыслу, нежели то, что в данном случае имеется в виду (это можно увидеть даже из приведенной выше цитаты). *Фа* — это законы как таковые, законы как принцип, как альтернатива неписаным нормам морали или вообще организационному хаосу, произволу, основанному на минутных пристрастиях и колебаниях правителя. *Люй*, *лин*, *гэ* и *ши* — это конкретные законодательные установления четырех разных типов, призванные упорядочивать четыре строго определенные сферы человеческой и государственно-административной активности.

Уголовные установления *люй*

Знаменитый «Тан люй шу и» — «Уголовные установления Тан с разъяснениями», или, в просторечии, танский кодекс, — являлся, как видно уже из самого названия, собранием уголовных установлений.

Начало длительному и многоэтапному процессу создания величайшего правового памятника было положено сразу после прихода к власти основателя танской династии Ли Юаня, императора Гао-цзу (618–627 гг. н.э.). Едва утвердившись в столице, он отменил действие наиболее жестоких законов предшествовавшей Тан династии Суй (581–618). Был введен временный короткий кодекс (всего лишь из двенадцати статей). Смертную казнь Гао-цзу оставил только для преступников, повинных в измене, убийстве человека, грабеже и дезертирстве из его армии (Цзю Тан шу, 1936, цз. 50, с. 1а; Синь Тан шу, 1975, с. 1408).

С воцарением следующего императора Тан — великого Тай-цзуна (прав. 627–649) законодательная работа была продолжена. По-видимому, она ориентировалась на максимально возможное в рамках тогдашних воззрений смягчение наказаний и приведение предписаний кодекса в соответствие с обновленной практикой управления. В 637 г. была, например, создана комиссия по очередному пересмотру, завершившемуся уменьшением наказаний за 92 преступления, ранее наказывавшиеся смертью (они стали наказываться ссылкой), и 71 преступление, прежде наказывавшиеся ссылкой (теперь они стали наказываться каторгой) (Синь Тан шу, 1975, с. 1410; см. также: The T'ang Code, 1979, p. 39).

Проводились и иные модификации.

Например, ранее, уже при самой Тан, наказание за 50 различных преступлений, за которые прежде полагалась смертная казнь удавлением, было смягчено и в качестве послабления за те же преступления была предписана казнь отрезанием правой стопы¹. Теперь возмездие за совершение тех же преступлений было еще более смягчено: отрезание стопы заменили на утяжеленную 3 годами работ ссылку максимальной предусмотренной законом дальности, так называемую ссылку с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). Похоже, этой радикальной реформе предшествовали бурные споры относительно того, не чрезмерно ли такое милосердие (Цзю Тан шу, 1936, цз. 50, с. 26; Синь Тан шу, 1975, с. 1409).

Очередные пересмотренные варианты уголовного кодекса вводились в 651 и 653 гг.; вариант 653 г. оказался практически окончательным (The T'ang Code, 1979, p. 39).

Характеризуя танские уголовные законы самым общим образом, надлежит сказать следующее.

Человек всегда хотел управлять природой или хотя бы встать с нею вровень, но в те времена, когда до реальных рычагов воздействия на природные стихии было еще далеко, он добивался равновеличия с ними хотя бы в собственных глазах.

Смирненно ощущать, будто он значит для вселенной ровно столько же, сколько любое другое животное, человек с его амбициями просто неспособен, особенно на ранних стадиях цивилизации, когда никаких реальных доказательств его скромной роли наука дать не могла. Человек видел себя гипертрофированно значимым в космосе; ощущая и понимая всю свою зависимость от космоса, всю значимость космоса для себя, он просто не мог и себя видеть иначе, нежели значимым для космоса. Воображать мир иначе оказалось бы просто невыносимо, а значит, и в голову не приходило².

Но поскольку человек естественным образом ощущал гармонию между миром и собой как гармонию более или менее равных элементов целого, а при этом еще и рассчитывал на благожелательность мира³, он взамен вполне всерьез повышал при этом требования к самому себе.

Представление о том, что поведение людей может по каналам неких соответствий, отражений, откликов вызывать реакцию мироздания, присуще всем ранним культурам. И в традиционном Китае, как это часто бывало и бывает, субъективные иллюзии

¹ Возможно, лишь пальцев на правой стопе.

² Вполне современным рудиментом такой убежденности является, возможно, нынешняя уверенность в том, что глобальное потепление вызывается всего-то лишь нашей экологической неряшливостью. Да, мол, мы ведем себя неправильно, небрежно, нечестно — но ведь все равно прежде всего нам ЛЕГКО сознавать, будто наша неряшливость может иметь планетарную мощь. Из этого однозначно следует, что, стоит нам стать заботливыми, это тоже почувствует сразу вся планета и неприятные для нас явления разом прекратятся.

³ Грех не упомянуть, что ныне эта архаичная надежда на заботливость вселенной по отношению к человеку парадоксальным образом подтверждается антропным принципом астрофизики.

культуры вели к объективному социальному благу. Понимая себя, свою культуру и мораль как органичное продолжение природного мира, а природный мир — как столь же органичное продолжение своей культуры и морали, человек уже хотя бы в силу абсолютного могущества природы наделял ее абсолютной моральностью, а потом всерьез старался ей соответствовать. Уверовав в существование обоюдной резонансной связи, он неизбежно должен был начать оберегать гармоничную моральную вселенную от собственной аморальности, которая могла, нарушая мировую гармонию, через дисгармонизацию природы больно ударить рикошетом по самому же человеку. Мания величия в традиционных культурах оборачивалась манией не безответственности, но — ответственности.

Такая ответственность не могла реализовываться иначе, нежели через тщательное соблюдение моральных норм, являвшихся порождениями данной культуры со всей ее спецификой. Приписывая природе моральность, человек неизбежно приписывал ей моральность именно своей культуры, той, внутри которой находился он сам и которую полагал единственной.

Возвращаясь к анализу китайского традиционного уголовного права, в частности танского, можно сказать, что главной непосредственной задачей применяемого уголовного закона являлось устранение искажений из гармонично функционирующего триединого континуума Небо—Земля—Человек.

Чем более высокое положение занимал индивидуум, тем больше была его роль в этом функционировании. Ответственнее всех, разумеется, император; считалось, что от его правильных или неправильных действий напрямую зависит природный баланс.

Проступки и преступления менее значительных персон тоже воздействовали на природу негативно. Следовательно, они должны были быть скомпенсированы наказанием, равным преступлению по силе воздействия на природу. Такое равенство являлось обязательным условием применения наказаний, поскольку в противном случае они не восстанавливали бы нарушенную преступлением гармонию, понимаемую как вселенская справедливость⁴, а лишь еще сильнее вредили бы ей. Наказания, принадлежащие к женской, темной стихии *инь*, при чрезмерно частом употреблении или несоразмерной суровости могли привести к непропорциональному распуханию *инь* в мире, вполне способному вызвать стихийные бедствия — наводнения, эпидемии, засухи, а то и нашествия саранчи. И когда подобные явления начинали превышать средненормальный уровень, это воспринималось как реальная реакция со стороны мироздания — бесстрастного, но вынужденного на определенный раздражитель отвечать суровым образом. И тогда императору, услышавшему неодобрительный окрик Неба, приходилось смягчать законы, объявлять амнистии и пр.

Вот, например, как увещевал в своем докладе танскую императрицу У-хоу (прав. 684–705) один из ее приближенных, полагая, что высшая власть попустительствует тем, кто злоупотребляет жестокими наказаниями:

Несправедливо обвиненные стонут и вздыхают, и чувства их нарушают мировую гармонию. Мировая гармония приходит в беспорядок, и на живущих рушатся поветрия, за ними следуют наводнения и засухи, и наступают лихие годы. Люди теряют занятия... страх охватывает все живое. В последние годы солнце палит не вовремя и облака не дают дождя. Землепашцы выпускают сохи из рук и,

⁴ Которая, правда, мыслилась отнюдь не как учет субъектом действия неких неотъемлемых прав объектов его воздействия, но просто как совершение всеми всех действий надлежащим образом, не по прихоти своей, а согласно великим неизменным нормам.

тяжело вздыхая, смотрят на небо. Как же тут не сожалеть о том, что вы, Ваше Величество, обладая благой силой дэ, не распространяете ее на людей! (Цзю Тан шу, 1936, цз. 50, с. 9а).

Эта концепция явилась существеннейшей причиной, обусловившей стремление танских законодателей с максимальной тщательностью и однозначностью устанавливать соответствие наказаний не только разнообразным преступлениям, но и разнообразным обстоятельствам, при которых данные преступления могли совершаться. Дотошность тогдашних правотворцев просто удивительна. Но не менее удивительна и точность, с которой предписывалось явившееся результатом многоступенчатых уточнений конечное наказание.

Коль скоро все ситуационные и количественные характеристики преступления были путем следственных мероприятий однозначно определены, а затем в формулу уголовной статьи подставлены, судья должен был получить, по сути, совершенно точный, единственно возможный результат. Всякое отклонение от него, всякое проявление собственной гибкости уже, в свою очередь, начинало считаться правонарушением. Ничто не могло быть оставлено на произвол судьи. Ведь если бы он ненароком принял неправильное, не выверенное лучшими умами империи решение, реки, чего доброго, вышли бы из берегов и погубили урожай.

Этичность уголовных законов Тан, с одной стороны, и однозначность их предписаний — с другой, дают исследователю уникальную возможность численного сопоставления тех или иных этических норм того времени, выстраивания их четкой иерархии, как бы их взвешивания. Можно сказать, что количество назначаемых лет каторги или ударов палками может, применительно к требованиям традиционной конфуцианской морали, рассматриваться как некий аналог атомного веса в химии или, скажем, в физике — длины электромагнитной волны.

Общеобязательные установления *лин*

Создание танских *линов* происходило параллельно созданию уголовных установлений *люй*, хотя по понятным причинам отражению этого процесса уделялось несколько меньше внимания. Работа над *линами* просто упоминается в паре с работой над *люй*. Например, первый император Тан Гао-цзю, вступив на престол,

повелел... обревизовать и отредактировать установления люй и установления лин (Синь Тан шу, 1975, с. 1409).

Если танские *люй* сохранились практически полностью, пусть и с какими-то различиями, то установления других трех групп, к сожалению, практически полностью были утеряны.

В случае с общеобязательными установлениями *лин*, однако, положение удалось в значительной степени восстановить. Дело, в частности, в том, что выдержки из них часто и пространно цитировались в китайских источниках того времени.

Например, в самом «Тан люй шу и» танские *лины* процитированы, причем достаточно связно и по самым разным поводам, более полутора сотен раз. Здесь и указания на то, что:

Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, на [внесение] откупа от смертной казни отводится 80 дней, от ссылки — 60 дней, от каторги — 50 дней, от наказания тяжельми палками — 40 дней, от наказания легкими палками — 30 дней (Тан люй, ст. 493; см. также: Уголовные..., 2008, с. 220).

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранных ведомств, тем, кто имеет 5-й ранг или выше, при совершении ими [наказуемых смертной казнью преступлений], не входящих в Злостную строптивость или более тяжелых, разрешают покончить с собой дома (Тан люй, ст. 499; см. также: Уголовные..., 2008, с. 232).

Или, с другой стороны:

Согласно общеобязательным установлениям, тем, кто занимает служебные должности 5-го ранга и выше или же имеет наградные должности 3-го ранга и выше, полагается личная охрана и домашняя стража (Тан люй, ст. 6; см. также: Уголовные..., 1999, с. 97).

Или:

Согласно общеобязательным установлениям, 50 дней работы совершеннолетнего тяглого мужчины могут идти в зачет налогов и повинностей соответствующего года и полностью избавить от них (Тан люй, ст. 44; см. также: Уголовные..., 1999, с. 245).

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о семейном хозяйстве, при подозрении на притворство возраст и состояние определяют исходя из внешнего облика (Тан люй, ст. 55, см. также: Уголовные..., 1999, с. 282).

Или:

Согласно общеобязательным установлениям, семь причин для выдворения жены таковы: первая — бездетность, вторая — распутство, третья — неслужливость по отношению к свекру и свекрови, четвертая — длинный язык, пятая — вороватость, шестая — ревнивость, седьмая — неизлечимая болезнь (Тан люй, ст. 189; см. также: Уголовные..., 2001, с. 178).

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о конюшнях и пастбищах, на всех пастбищах доля потерь от смертей разнообразных животных ежегодно определяется из сотни голов. Допустимая убыль верблюдов составляет 7 голов, мулов — 6 голов, коней, быков, ослов, черных баранов — 10, а белых баранов — 15 (Тан люй, ст. 196; см. также: Уголовные..., 2001, с. 194–195).

Эти примеры можно множить и множить, и все они, пусть и фрагментарно, относительно хаотически, содержат интереснейшую конкретную информацию о том, как день за днем жила страна на всех ее уровнях, во всех ее проявлениях — и в государственных учреждениях, и на производстве, и в быту.

Чего стоит, например, ссылка на общеобязательное установление, данная в статье, которая устанавливала наказание за устройство свадьбы в ту пору, когда отец или мать либо дед или бабка по мужской линии пребывали из-за совершения какого-либо преступления в тюрьме⁵.

Наказание за такой брак варьировалось в зависимости от того, насколько тяжким было преступление, в котором обвиняли пребывающего под следствием предка. Ведь от тяжести преступления зависела, естественно, тяжесть грозящего предку наказания,

⁵ Когда в кодексе говорится «под арестом в тюрьме» (*бэй цю цзинь* 被囚禁), это надо понимать «под следствием», так сказать «в КПЗ». Тюремное содержание как собственно наказание за преступление танскими законами не предусматривалось.

а вот уж от нее напрямую зависел уровень скорби, которую надлежало испытывать потомку, вместо того чтобы стремиться к личному счастью посредством устройства собственной свадьбы.

Одно и то же веселье, поскольку оно могло идти вразрез со скорбью различных уровней, могло тем самым демонстрировать различные уровни аморальности. Если тот, кто находился в тюрьме, совершил наказуемое смертью преступление (т.е. ему грозила смертная казнь), новобрачный получал 1,5 года каторги. Если тем, кто в тюрьме, было совершено преступление, наказуемое ссылкой, новобрачному полагался 1 год каторги. Если же предок находился в заключении из-за преступления, наказуемого каторгой, наказание за свадьбу было 100 ударов тяжелыми палками.

Так вот, если брак этот заключался не своей волей, а согласно повелению того самого отца или деда по мужской линии, который находился в тюрьме, вина за такое поведение на брачующегося не возлагалась — ведь он не шел на поводу у собственных вожделений, а послушно выполнял волю предка, пусть и преступного, но отнюдь не утратившего из-за пребывания под следствием своих полномочий и своей ответственности за устройство дел семейных. Но далее в статье лаконично говорится:

Однако, согласно общеобязательным установлениям, нельзя устраивать свадебный пир (Тан луй, ст. 180; см. также: Уголовные..., 2001, с. 165).

Другими словами, жениться, согласно повелению предка, можно, но веселиться во время исполнения такого повеления все же нельзя. И это существеннейшее и очень симптоматичное ограничение вводилось именно общеобязательным установлением.

Этика должна была быть единообразной. Иначе это уже не этика, а хаос, мешанина личных предпочтений и прихотей.

Колоссальная работа по вычленению подобного рода ссылок и цитат из всего круга доступных китайских источников, а также их последующего структурирования с учетом конструкции сохранившихся японских *линов* была предпринята именно в Японии. Корпус цитат удалось дополнить еще и разрозненными текстами некоторых оригинальных *линов*, обнаруженных археологами, и получившийся в результате свод, собранный Ниидой Нобору и опубликованный в 1933 г., стал неоценимым источником относительно танских законов группы *лин* (см.: Ниидо Нобору, 1964).

При ознакомлении с общеобязательными установлениями возникает поразительная картина тотально регламентированной социальной жизни, всегда снабженной статациональными и функциональными маркерами. Современному человеку попытка ввести жизнь в предписанные для всех единые, вдобавок весьма жесткие рамки может показаться безумной или по меньшей мере безумно бесчеловечной. Но такое маркирование имело важнейшие функции. Во-первых, его целью было благое намерение уподобить мелочную, сумбурную суету людей великой и неизменной гармонии мироздания, с тем чтобы и сами люди могли наслаждаться тем же покоем, той же неизменностью, что свойственны мирозданию. Во-вторых, создать положение, при котором всякий знал бы сразу, с кем и при каких обстоятельствах его столкнула судьба, чтобы не запутаться и по неведению или торопливости не совершить каких-то статациональных или поведенческих нарушений. Если вспомнить все это, тогда становится очевидно, что ничего иного, как попытаться сформулировать тотальный регламент, танским законодателям просто не оставалось.

В *линах* не назначалось наказаний за нарушение того, что ими предусматривалось; это были предписывающие установления, а не перечисление предугадываемых нарушений с установлением эквивалентных им мер воздаяния, как в *луй*. Зато в самих *луй* была предусмотрена специальная статья за несоблюдение *лин*, согласно которой тот, кто нарушил общеобязательное установление, содержащее некое предписание

или некий запрет, должен был быть наказан 50 ударами легкими палками. На случай нарушения внутриведомственных установлений *ши 式* также предусматривалось наказание, но более легкое — 40 ударов легкими палками (Тан люй, ст. 449; см. также: Уголовные..., 2008, с. 112).

Этим, впрочем, дело не исчерпывалось, поскольку некоторые *лины*, особо важные для поддержания наглядного порядка в социуме, были, что называется, «равнее прочих». Другая статья кодекса предусматривает за их нарушение более тяжелое наказание:

Всякий, кто возвел или изготовил дом, постройку, экипаж, одеяние, предмет утвари или вещь, равно как могильный холм, каменное изваяние в виде животного и тому подобное в нарушение общеобязательных установлений, наказывается 100 ударами тяжелыми палками (Тан люй, ст. 403; см. также: Уголовные..., 2008, с. 34).

То есть, другими словами, намеренное нарушение социально маркирующего общеобязательного установления, способное дезинформировать окружающих относительно статуса данного лица, посягательство на видимые признаки иного статуса карались тяжелее нарушений рядовых общеобязательных установлений. Нарушение визуальных социальных кодов было недопустимым проявлением недостатка человеколюбия, ибо оно было чревато погружением общества в хаос и его рассогласованием со вселенной.

Очень характерно, что в статье ни слова не сказано о посягательстве на маркеры именно и только более высокого статуса. Говорится о несоответствиях как таковых, в любую сторону равно. Не вводится и разделения тяжести наказаний за посягательство на более высокие и более низкие маркеры. Закону в данном случае, похоже, было все равно, наделся ли нарушитель князем или нищим. Важно то, что он наделся не как подобает. В обоих случаях его нельзя было опознать, классифицировать и тем самым с первого взгляда соотнести с требованиями вести себя с ним как должно.

Текст основной статьи *люй* о нарушениях *линов* вводит немаловажную оговорку:

Имеется в виду, что в общеобязательном установлении содержится запрет или предписание, а в уголовных установлениях за их нарушение не предусмотрено определенного наказания (Тан люй, ст. 449; см. также: Уголовные..., 2008, с. 112).

Это значит, что наказание 50 ударами легкими палками за нарушение общеобязательного установления назначалось только в том случае, если запрет или предписание, введенные данным *лином*, не были повторены в каком-либо виде текстами статей уголовного кодекса и за них не было назначено специально оговоренного наказания.

Дело в том, что часто бывало наоборот. Например:

Согласно общеобязательным установлениям, те, кто направлен к месту службы, получают время, отведенное на сборы. Тот, кто по истечении срока еще не отправился, за один день наказывается 10 ударами легкими палками. За каждые последующие 10 дней наказание увеличивается на одну степень. Увеличение наказания ограничивается одним годом каторги (Тан люй, ст. 96; см. также: Уголовные..., 2001, с. 22).

В *линах* по этому поводу говорится:

Всем провинциальным чиновникам, получившим назначение, предоставляется отпуск на сборы. Если место назначения расположено в пределах 1000 ли —

40 дней, если в пределах 2000 ли — 50 дней, если в пределах 3000 ли — 60 дней, если в пределах 4000 ли — 70 дней, если более чем в 4000 ли — 80 дней (Ниидэ Нобору, 1964, с. 749–750).

Таким образом, данное общеобязательное установление содержит предписание, но нарушение этого предписания, если оно было коротким, могло быть наказано легче — 50 ударов легкими палками, а если затягивалось, наказание могло серьезно превысить то, что предписывалось, вообще говоря, за невыполнение общеобязательного установления.

Или: согласно общеобязательным установлениям, наблюдатель, увидев странности ветра, облаков, испарений или освещения, обязан был подать об этом тайную запечатанную докладную записку на Высочайшее имя (там же, с. 847).

Наблюдение и толкование небесных знамений было в танском Китае делом государственной важности и, соответственно, секретности, ибо именно через знамения (если только дело не доходило до крайности и не приходилось воздействовать стихийными бедствиями) Небо выражало свое мнение относительно деятельности правящего императора. Понятно, что интерпретировать выражения этого мнения, расшифровывать послания Неба могли только квалифицированные люди, находившиеся на специальном счету. Поэтому нарушение данного общеобязательного установления каралось отнюдь не 50 ударами легкими палками, а подпадало под действие статьи о разглашении дел, которые надлежит хранить в тайне. Соответствующая уголовная статья посвящена главным образом разглашению секретных планов военных или специальных операций, однако в разряд дел небольших, но секретных было включено и наблюдение необычных атмосферных явлений. Тот, кто не направлял наверх тайную запечатанную докладную записку, а разглашал итоги своих наблюдений, наказывался 1,5 годами каторги (Тан люй, ст. 109; см. также: Уголовные..., 2001, с. 42).

Если вспомнить давнее противоборство конфуцианской концепции управления при помощи морали и легистской — управления при помощи законов, которые затем, слившись, породили синтетическую концепцию, согласно которой мораль и законы представляли собою лишь две стороны единства, сродни стихиям Инь и Ян, можно сказать, что в какой-то мере двуединая система *люй* и *лин* стала правовым воплощением этого единства.

Мораль побуждает действовать правильно и подсказывает, как должна выражаться эта правильность, а закон подкрепляет требования морали страхом наказания за их несоблюдение, обусловленное тем, что моральные побуждения спасовали перед корыстью, эгоизмом или простой необразованностью и неумелостью, из-за которой человек пусть и хотел, да не сумел быть хорошим. Общеобязательные установления являлись предельно формализованным и стандартизованным воплощением побуждений морали, вводили правильное поведение в строго определенные рамки. Уголовные же установления постоянно стояли рядом в полной боевой готовности на случай, если по небрежению или тем более из корысти, неприязни или по злобе кто-то решился нарушить означенные нормы.

Конечно, строгой параллельности не было и быть не могло. Прежде всего потому, что далеко не все требования морали могли быть формализованы. Более того, не могли быть формализованы ее главные требования. Общеобязательными установлениями типа *лин* незачем было, например, предписывать не убивать, не воровать, не поджигать соседский дом или, например, не портить водозащитные дамбы. Это как бы само собой разумелось для всех в равной мере. Не убий — не жанр императорских указов. Но огромная часть уголовных установлений *люй* посвящалась наказаниям за нарушения именно норм морали, обеспечивающих элементарные взаимные га-

рантии в обществе. Поэтому наказания были предусмотрены и за убийство, и за кражу, и за поджог, и за порчу дамб.

Однако там, где мораль поддавалась количественному исчислению, как, например, в случаях со сроками траура по родственникам, или, скажем, точному маркированию, как в случаях с соответствующими статусу жилищами, без *линов* оказывалось невозможно обойтись, и тогда *люй* и *лин* действительно оказывались двумя параллельными элементами бинарной совокупности.

Нормативные установления *гэ*

Относительно двух других видов установлений — нормативных и внутриведомственных — мы знаем гораздо меньше, потому что они практически не сохранились. Есть лишь весьма узкий круг цитат из них, которые можно обнаружить в тех или иных источниках, да несколько случайно сохранившихся археологами найденных фрагментов — и то относительно некоторых из них до сих пор идут споры, является ли данный отрывок без начала и конца отрывком, скажем, *гэ* или нет.

Базой для нормативных установлений являлись императорские указы. Поток их был нескончаем; повеления Сына Неба были единственной формой реагирования высшей власти на любые изменения обстоятельств, на любые новые события в империи или на ее пределах. Время от времени массив указов просеивался на предмет выделения решений и предписаний, которые не относились к некоему единичному событию, а имели (или могли иметь) более или менее длительное действие. Они компилировались, и так возникали сборники нормативных установлений.

В танском уголовном кодексе, т.е. в *люй*, хоть и значительно реже, чем *лины*, цитируются и *гэ*.

Например:

Согласно нормативным установлениям, даосские монахи и монахини, самовольно надевающие мирскую одежду, должны быть возвращены в мир (Тан *люй*, ст. 23; см. также: Уголовные..., 1999, с. 160).

Или:

*Согласно нормативным установлениям, даосский монах, распространяющий учение, ходя от двери к двери, наказывается стодневным *куши* 苦使* (Тан *люй*, ст. 23; см. также: Уголовные..., 1999, с. 161)⁶.

Или:

*Согласно отдельным нормативным установлениям (бе *гэ* 別格), всякий варвар, взявший ханьскую женщину в жены или наложницы, не может взять ее с собой, возвращаясь в варварские пределы* (Тан *люй*, ст. 88; см. также: Уголовные..., 1999, с. 352).

Кроме того, есть и предписания, проясняющие правовую работу с самими нормативными установлениями, например:

Всякий раз, когда выносится приговор к наказанию, необходимо полностью привести текст уголовного, общеобязательного, нормативного или внутриведомственного установления с прямыми указаниями (Тан *люй*, ст. 484; см. также: Уголовные..., 2008, с. 197)⁷.

⁶ У. Джонсон интерпретирует наказание *куши* как сидение в цепях на пустом внутреннем дворе монастыря и переписывание текстов сутр по 5 страниц в день (The Tang Code, p. 146).

⁷ Имеется в виду, надо думать, приведение текста того установления, на основании которого или в связи с нарушением которого выносится приговор.

Или:

Всякий раз, когда приговор к наказанию был вынесен Указом или Высочайшим распоряжением, он является мерой лишь для данного момента и не должен рассматриваться как нормативное установление, дарованное навечно. Приводить его впоследствии для определения наказания по аналогии (бифу 比附) нельзя (Тан луй, ст. 486; см. также: Уголовные..., 2008, с. 200).

Очень интересно многослойное, похожее на матрешку (луй, которое ссылается на лин, в котором трактуется о гэ) предписание, гласящее:

...Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, если было совершено преступление и затем были введены нормативные установления с изменениями, так что предусматриваемое новым установлением наказание легче, чем предусмотрено в луй, при вынесении приговора разрешается следовать более легкому (Тан луй, ст. 31; см. также: Уголовные..., 1999, с. 189).

Пожалуй, самый знаменитый фрагмент нормативного установления был обнаружен среди манускриптов из Дуньхуана. Фигурирующее в нем гэ предназначалось для исполнения в провинциях местными правоохранительными органами. Содержание документа и обнаруженных в иных источниках вариантов фигурирующего в нем установления подробно излагает Д. Твитчетт в специальной работе.

Документ датируется 705 г. Он предписывает ужесточение наказания за изготовление фальшивой монеты. Исходный императорский указ был провозглашен в 682 г. Его издание было вызвано неким кризисом в сфере наличных средств денежного обращения (Twitchett, 1963, p. 290), с которым правительство пыталось бороться, в частности, ужесточением мер против фальшивомонетчиков. Основанное на данном указе нормативное установление, отрывок из которого оказался давно известен, поскольку был приведен в уголовном кодексе следующей после Тан династии Сун (960–1279) (Сун син тун, с. 863–864), относится к 737 г. Все три варианта (682, 705 и 737 гг.) предписывали ужесточающие санкции против изготовителей фальшивой монеты и дополняли соответствующую статью уголовного кодекса (Тан луй, ст. 391; см. также: Уголовные..., 2008, с. 12)⁸.

Указ 682 г. разделялся на две части: в первой речь шла о наказании самих фальшивомонетчиков, во второй — об ответственности главы семьи, членов соседской ячейки и пятидворки круговой поруки, а также нечиновных глав местной низовой администрации: сельских (личжэн 里正) и квартальных (фанчжэн 坊正) исправников, в чьем ведении жили и действовали преступники. Исходный указ 682 г. утяжелял наказание главного преступника со ссылки на 3000 ли на удушение, а для сообщников предусматривал ссылку с дополнительными работами (цзя и лю 加役流) — особую ссылку, которая, как мы помним, в начале Тан была введена вместо членовредительского наказания отсечением правой стопы. Согласно найденному фрагменту нормативного установления 705 г., наказание, предусмотренное в уголовном кодексе, дополнялось, однако, лишь тем, что собственность семьи главного преступника следовало конфисковать в казну, а также тем, что все чиновники, замешанные в преступлении, не могли пользоваться для избавления от наказания зачетом должностью или откупом. Текст сунского кодекса снова предписывает смертную казнь удушением, предваряемую битьем 100 ударами тяжелыми палками. Твитчетт заключает, что гэ 705 г., видимо, отражает временное изменение закона, которое затем было отменено,

⁸ Данная статья «Тан луй шу и» назначает изготовителям фальшивой монеты наказание ссылкой на 3000 ли, а если изготовление еще не было завершено — 2 годами каторги.

и такое предположение хорошо согласуется с тогдашней политикой относительно изготовления фальшивой монеты: предписания были сильно смягчены в конце правления У-хоу, за несколько лет до 705 г., и ужесточены после 717 г. Вторая и более длинная часть статьи, касающаяся коллективной ответственности членов семьи, соседей, старост, во всех трех вариантах практически оставалась одинакова (Twitchett D.C., 1967, p. 377–378).

Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует роль нормативных установлений. Ими не подменялись уголовные установления. Они не служили материалом для последующих пересмотров уголовного кодекса, которые шли своим чередом независимо от издания конкретных указов или сборников нормативных установлений. Это были документы разных уровней.

Сами тогдашние китайцы отлично понимали эту разницу.

Составлявшие уголовный кодекс установления *люй*, равно как общеобязательные установления *лин*, хотя их и можно было пересматривать при последовательных редактурах соответствующих уложений, все равно оставались не реагирующими на мир, но взысканиями к миру. Они изменялись не потому, что ситуация в стране требовала каких-то экстренных мер, но потому, например, что изменились представления о человеколюбии — как, скажем, в случаях с заменой удавления отсечением правой стопы, а того, в свою очередь, ссылкой с дополнительными работами.

Изменения в *люй* и *лин* вносились тогда, когда изменялись представления о конкретных проявлениях справедливости. Когда делался очередной шаг на бесконечном пути познания вечной вселенской гармонии и попыток уподобиться ей. Такие изменения вызывались жизнью духа.

А на изменения во внешнем, брэнном мире отвечали нормативные установления, которые служили посредниками между великими принципами права и требованиями текущего момента. Именно нормативные установления не давали танскому праву закостенеть и оторваться от жизни, позволяли государству быстро и гибко реагировать на злобу дня. Но при этом сиюминутные законодательные реакции не должны были мешать базовым принципам сохраняться во всей их вечной красоте. И очень характерно, что, как опять-таки отмечает Д. Твитчетт, нормативные установления могли действовать на протяжении даже десятилетий без особых изменений, но они все равно не включались в *люй* или *лин* (там же, p. 380). Они кодифицировали поправки и дополнения, которые по природе своей ощущались преходящими, сиюминутными и всегда готовыми для отмены, изменения или очередного дополнения в ответ на изменения исторических обстоятельств.

Внутриведомственные установления *ши*

Уголовный кодекс в той же статье, где предусматривалось наказание за нарушение общеобязательных установлений, предусматривал и наказание за нарушение установлений внутриведомственных. Как уже упоминалось, за нарушение *ши*, содержащих какое-либо предписание или какой-либо запрет, полагалось 40 ударов легкими палками (Тан люй, ст. 449; см. также: Уголовные..., 2008, с. 112).

То есть установления *люй* предписывали обязательные наказания за то, о чем говорилось в них самих (когда формулировались гипотезы предсказуемых преступных действий), за нарушение установлений *лин* и за нарушение установлений *ши*. Только за нарушения *гэ* в уголовном кодексе не назначено наказаний. Это дало возможность Д. Твитчетту предположить, что все установления *гэ* содержали определения карательных санкций за нарушение каждого из них в самих себе, так, как это было, ска-

жем, в случае с *гэ*, посвященном изготовлению фальшивой монеты. Ссылки на нормативные установления в уголовном кодексе, скорее, подтверждают это предположение: там упомянуты *гэ*, согласно которым назначалось принудительное возвращение в мир монахов, которые самовольно оделись в мирское, или стодневное *куши* странствующим проповедникам. Если это действительно так, изоморфизм инь-яноподобных двуединств закон–мораль, *люй–лин* и *гэ–ши* становится особенно наглядным.

Правда, некоторые ссылки на нормативные установления, сделанные в уголовном кодексе, отчасти размывают эту стройную картину, хотя и не противоречат ей напрямую. Судя по ним, порой *гэ* были ближе скорее не к уголовным установлениям *люй*, но к общеобязательным установлениям *лин*, не запрещали, но обязывали, а потому не могли включать в себя карательных санкций за содержащиеся в них предписания. Например:

Если в нормативных и в общеобязательных установлениях не предусмотрено для данного учреждения таких штатных единиц, но на них было произведено назначение, это называется назначением, когда не полагалось назначать (Тан люй, ст. 35; см. также: Уголовные..., 1999, с. 203).

Наказание же за такое преступление определялось отдельной статьей уголовного кодекса и зависело от числа неправильно назначенных (т.е. назначенных на реально предусмотренную должность, но более предусмотренного для нее числа служащих или назначенных на должность, выдуманную самим назначающим). В таких случаях за одного противоправно назначенного человека полагалось наказание 100 ударами тяжелыми палками, за каждого последующих трех человек наказание увеличивалось на одну степень и при 10 человеках достигало возможного максимума — двух лет каторги (Тан люй, ст. 91; см. также: Уголовные..., 2001, с. 9–10). Наказание, следовательно, в данном случае назначается уголовным установлением — за нарушение нормативных установлений, которые носят предписывающий характер (количество штатных единиц) и даже в самом тексте статьи поставлены в ряд с установлениями общеобязательными.

Или:

В нормативных, общеобязательных и внутриведомственных установлениях нет текстов о том, что в данных обстоятельствах должно подавать доклады... но подали доклад. ...Должно наказывать 80 ударами тяжелыми палками (Тан люй, ст. 117; см. также: Уголовные..., 2001, с. 54).

Наконец, нормативное установление, вводящее запрет на отъезд за рубеж вместе с мужьями китаянок, вышедших замуж за варваров во время их пребывания в Китае, уточняется в кодексе так:

Прибывшим ко двору варварам разрешается оставаться на жительство, тогда им можно брать жен и наложниц. Но если тот, кто взял жену или наложницу, возвращается с нею в варварские пределы, закон предусматривает наказание за нарушение Высочайшего распоряжения (Тан люй, ст. 88; см. также: Уголовные..., 1999, с. 352–353).

За само же нарушение Высочайшего указа или распоряжения кодекс назначал наказание двумя годами каторги (Тан люй, ст. 112; см. также: Уголовные..., 2001, с. 46–47). Значит, карательная санкция назначалась и в этом случае уголовным установлением *люй*, но не нормативным установлением *гэ*.

И все же действительно представляется наиболее вероятным, что нормативные установления в целом служили дополнениями и уточнениями к уголовным установ-

лениям, а внутриведомственные установления — в целом дополнениями и уточнениями к установлениям общеобязательным. Родство *лин* и *ши* несомненно уже потому хотя бы, что в статье кодекса, вводящей наказание за их нарушение, они перечисляются рядом как нормы однотипные, неразрывно связанные функционально и лишь чуть-чуть различающиеся статационально: наказание за нарушение *лин* на одну степень тяжелее, чем за нарушение *ши*. Значит, *лин* чуть-чуть, на одну степень, важнее *ши*.

В уголовном кодексе «Тан люй шу и» цитат из внутриведомственных установлений хоть и меньше, чем цитат из установлений общеобязательных, но гораздо больше, чем из установлений нормативных. Например:

Согласно внутриведомственным установлениям, в заступающих на дежурство гвардиях все, от рядового гвардейца и выше, распределяются и назначаются по местам выполнения вверенных служебных обязанностей наличным начальником данной гвардии (Тан люй, ст. 70; см. также: Уголовные..., 1999, с. 315).

Но тут же вводится и наказание за нарушение этого установления, отличающееся от предписанного в уже не раз упоминавшейся статье 449⁹, а именно:

Если некто вразрез с внутриведомственными установлениями распределил назначения не в соответствии с вверенными служебными обязанностями или порядком очередности или же самовластно передал своего подчиненного кому-либо в подчинение либо использовал в другом месте как обслугу, в любом из этих случаев он наказывается 100 ударами тяжелыми палками (Тан люй, ст. 70; см. также: Уголовные..., 1999, с. 315).

Или:

Порядок и виды благовещих знамений изложены во внутриведомственных установлениях Палаты церемоний (Тан люй, ст. 377; см. также: Уголовные..., 2005, с. 349).

Или:

Во внутриведомственных установлениях Военной палаты предписано: если во время похода умер общеназначивший пристав (чжэчун 折衝), жертвуется 30 двойных пи шелка, если умер непреклонно-смелый общеназначивший пристав (гои 果毅) — 20 двойных пи шелка, если умер нарочный командующий (бецзян 別將) — 10 двойных пи (Тан люй, ст. 407; см. также: Уголовные..., 2008, с. 40–41).

Или:

Согласно внутриведомственным установлениям Палаты церемоний, у чиновников 5-го ранга и выше одеяние фиолетовое, а у чиновников 6-го ранга и ниже — красное (Тан люй, ст. 449; см. также: Уголовные..., 2008, с. 113).

Информация, содержащаяся в *ши*, крайне разнородна, но это и понятно — они не представляли и не могли представлять собой связный текст, но являлись набором конкретных норм, затрагивавших более или менее мелкие темы. Это было что-то вроде уставов или правил внутреннего распорядка — сухие и точные описания конкретных действий, которые должны производить по тому или иному случаю служащие того или иного учреждения и отступать от которых было наказуемо. Наказание же определялось либо согласно основной на сей счет статье уголовного кодекса (когда за такое нарушение полагалось 40 ударов легкими палками), либо, если специ-

⁹ В которой за нарушение *линов* и *ши* вводится наказание соответственно 50 и 40 ударами легкими палками.

альные статьи кодекса предусматривали за данное нарушение наказание более тяжелое, согласно специальной статье.

Очень жаль, конечно, что нормативные и внутриведомственные установления практически не дошли до наших дней, но было бы куда хуже, если бы история распорядилась наоборот, и в распоряжении китаеведов остались сравнительно полные наборы *э* и *ши*, но безвозвратно исчезли *люй* и *лин*.

Потому что тогда вместо грандиозной картины тотально гармонизированной социальной Вселенной, связанной воедино сложной системой взаимных долженствований, вместо завораживающего отчета о титанических усилиях уподобить движение официальных бумаг, людей, семей, государственных структур, всего общества в целом непреложному постоянству, свойственному движению планет, повторению сельскохозяйственных сезонов и честному исполнению своего долга Землей и Небом, современный историк мог бы наблюдать и анализировать лишь достаточно обыденное, суетное приспособление административной машины к переменчивым мелочам, одышливый бег неизменной и потому всегда пожилой вечности вдогон всегда новым, всегда юным и потому всегда ветреным превратностям бытия.

Список сокращений

- Тан люй — Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
- Уголовные..., 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999.
- Уголовные..., 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб., 2001.
- Уголовные..., 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб., 2005.
- Уголовные..., 2008 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб., 2008.

Список литературы

- Нишда Нобору 仁井田陞. То рё сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Сун син тун 宋刑統 (Свод уголовных законов периода Сун). Т. 1–2. Тайбэй, 1964.
- Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
- Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы). Т. 72–74. Шанхай, 1936.
- Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.
- Книга правителя области Шан / Пер. с кит., вступит. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968.
- Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986.
- Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб., 2009.
- Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. М., 1985–1989. Т. 1–3.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб., 2001.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб., 2005.

- Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб., 2008.
- Balazs E.* Le Traité juridique du “Souei-chou” // *Études sur la société et l’économie de la Chine médiévale*. V. 1–2. Leiden, 1953–1954, v. 2. P. 73–92.
- Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China. Cambridge, 1967.
- The T’ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by Wallace Johnson. Princeton, 1979.
- Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T’ang Regulations (*ko*) // *Bulletin of the School of Oriental and African studies. University of London*. Vol. XXX, pt. 2. 1967. P. 369–381.
- Twitchett D.C.* Financial Administration under the T’ang Dynasty. Cambridge, 1963.
- Twitchett D.C.* The fragment of the T’ang Ordinances of the Department of Waterways discovered at Tun-huang // *Asia Major, New Series*. Vol. VI, pt. 1. L., MCMLVII (1957). P. 23–79.

Summary

Vyacheslav Rybakov

Mutual Complementarity of the Tang Laws

The article analyses the inter-complementary character of traditional Chinese laws which functioned during the Tang dynasty (618–907). It is known that four types of laws were in force at that time: the so-called Code (*lü*), Statutes (*ling*), Regulations (*ko*) and Ordinances (*shi*). Only texts of criminal laws *lü* have survived, while laws of other types were kept mostly in brief quotations in other sources or in scrappy documents which have been discovered by archaeologists. The article describes the hierarchy of the laws, their mutuality and interconnection.